DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

ФАКТОРЫ КОВИД-СКЕПТИЦИЗМА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

Правильная ссылка на статью:
Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 115—137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375.

For citation:
Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2023) Factors of COVID-19-Skepticism in Russia: Evidence from Two Waves of the “Values in Crisis” Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 5. P. 115–137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375. (In Russ.)

Получено: 13.01.2023. Принято к публикации: 25.09.2023.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

ФАКТОРЫ КОВИД-СКЕПТИЦИЗМА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

АФАНАСЬЕВА Юлия Александровна — независимый исследователь, Алматы, Казахстан
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9607-3180

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, зав. Лабораторией сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5151-8147

ШИРОКАНОВА Анна Александровна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2908-520X

Аннотация. Целью исследования является анализ стабильности взаимосвязей между ковид-скептическими установками, социально-демографическими и личностными характеристиками в России. Для этого используются материалы двух волн панельного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (первая волна — июнь 2020 г., $N = 1527$; вторая волна — апрель — май 2021 г., $N = 1199$, повторно опрошенных — 978). Сравнительный анализ данных двух волн подтверждает устойчивость основных черт ковид-скептицизма. В частности, показано, что ковид-скептики в среднем моложе, имеют более низ-

FACTORS OF COVID-19-SKEPTICISM IN RUSSIA: EVIDENCE FROM TWO WAVES OF THE “VALUES IN CRISIS” LONGITUDINAL SURVEY

Yulia A. AFANASYEVA[1] — Independent Researcher
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9607-3180

Boris O. SOKOLOV[2] — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5151-8147

Anna A. SHIROKANOVA[3] — Independent Researcher, Cand. Sci. (Soc.)
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2908-520X

[1] Almaty, Kazakhstan
[2] HSE University, St. Petersburg, Russia
[3] St. Petersburg, Russia

Abstract. This study aims at assessing the over-time stability of associations between COVID-19 skepticism and various socio-demographic and personality characteristics. For this purpose, the authors use data from two waves (June 2020, $N = 1527$; and April-May 2021, $N = 1199$, including 978 follow-up respondents) of the online panel survey ‘Values in Crisis’ (ViC). The findings from the second wave generally replicate the patterns observed in the data from the first wave, published earlier. In particular, COVID-19 skeptics are, on average, younger, have lower levels of educational attainment, higher scores on Schwartz’s

кий уровень образования, менее привержены базовым ценностями сохранения и более — ценностям открытости. Им чаще свойственны ксенофобия, низкие уровни тревожности и институционального доверия. Есть и отличия от лета 2020 г.: ковид-скептицизм стал чаще проявляться среди людей с меньшим уровнем дохода, а также исчез «отрезвляющий» опыт столкновения с болезнью. Дополнительные вопросы, которых не было в первой волне, показывают, что скептиков характеризуют хорошее здоровье и повышенная склонность к конспирологическому мышлению.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые ценности Шварца, скептицизм в отношении науки, институциональное доверие

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

value of openness to change, and lower scores on Schwartz's value of conservatism. They are more likely to express xenophobic views but demonstrate lower levels of institutional trust and COVID-related anxiety. Yet, in contrast to mid-2020, COVID-19 skepticism is more widespread among low-income respondents while the 'sobering' effect of exposure to the disease has vanished. A few novel questions, absent in the questionnaire of the first wave but added in the second wave, indicate that skeptics are more likely to report good health and prone to conspiracy thinking.

Keywords: COVID-19, COVID-19 skepticism, conspiracy theories, Schwartz's basic values, science skepticism, institutional trust

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

С самого начала пандемии COVID-19 на фоне высокой неопределенности появилось множество слухов, фейков и теорий заговора [Ball, Maxmen, 2020; Douglas, 2021]. Например, нарративы об искусственном происхождении инфекции, о коронавирусе как биологическом оружии, о связи вспышек заболевания с вышками 5G-связи и т. д. Во многих странах мира возникли движения ковид-диссидентов — людей, которые не верили официальной информации о заболевании и игнорировали рекомендации по борьбе с ним [Scheitle, Corcoran, 2021].

Российская Федерация в этом отношении не стала исключением. Более того, уровень ковид-скептицизма и неприятия антикоронавирусных вакцин и правительственных действий, направленных на снижение заболеваемости, среди российских граждан оказался существенно выше, чем в большинстве стран мира [Solís Arce et al., 2021; Соколов, Завадская, 2021]. Даже в конце 2021 г., почти через два года после начала пандемии, 61 % населения РФ считали коронавирус

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

биологическим оружием[1]. Многие на протяжении всей пандемии сознательно пренебрегали доступными мерами предосторожности, такими как ношение масок, соблюдение социальной дистанции или вакцинация. Показательно, что в августе 2020 г., когда антикоронавирусные вакцины еще не были массово доступны, 38% респондентов опроса выразили готовность вакцинироваться от COVID-19, а через год этот показатель снизился до всего лишь 15%[2]. При этом доля нежелающих прививаться за этот же период выросла с 52% до 62%. Даже по состоянию на весну 2023 г. только 54,5% от всего населения (и 68,8% взрослых жителей) РФ были полностью привиты от нового заболевания[3].

Массовое нежелание вакцинироваться или хотя бы соблюдать меры предосторожности и широкое распространение фейковой информации и теорий заговора относительно COVID-19 несомненно способствовали высоким показателям смертности от коронавируса в России. Согласно данным Росстата, с начала пандемии в марте 2020 г. и до конца 2021 г. от этой инфекции в стране умерло больше полумиллиона человек[4]. Однако другие, потенциально более надежные оценки, основанные на статистике по избыточной смертности, говорят о том, что число погибших за указанный период могло превысить миллион [Karlinsky, Kobak, 2021].

В связи с этим особый интерес представляет изучение того, какие факторы — как в целом, так и в российском контексте, — влияют на восприятие людьми официальной информации относительно заболевания. Отечественные эмпирические исследования по этой теме опираются на материалы, собранные на начальном этапе пандемии [Макушева, Нестик, 2020; Нестик и др., 2020; Соколов, Завадская, 2021]. Однако затем общий контекст сильно изменился: информации о вирусе у людей стало больше (в том числе и основанной на собственном опыте), был отменен локдаун и несколько смягчены другие коронавирусные ограничения, а также началась кампания по массовой вакцинации населения.

Насколько применимы выводы упомянутых выше ранних работ для описания паттернов ковид-скептицизма в России в более широкой временнóй перспективе? В настоящей статье этот вопрос изучается с помощью материалов двух волн лонгитюдного онлайн-опроса «Ценности в кризисе». Целью представленного исследования является анализ изменений, которые произошли за период между двумя этапами проекта (первая волна собиралась в июне 2020 г., вторая — в апреле и мае 2021 г.). В частности, проверяется, какие из ранее обнаруженных коррелятов ковид-скептицизма [Соколов, Завадская, 2021] сохранили значимые связи с целевой установкой, а какие — утратили.

---

[1] Коронавирус, вакцина и меры // Левада-Центр. 2021. 1 ноября. URL: https://www.levada.ru/2021/11/01/koronavirus-vaktsina-i-mery/ (дата обращения: 03.04.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

[2] Коронавирус, грипп и вакцинация // Левада-Центр. 2023. 15 февраля. URL: https://www.levada.ru/2023/02/15/koronavirus-gripp-i-vaktsinatsiya/ (дата обращения: 03.04.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента). Впрочем, частично это снижение можно объяснить тем, что более 30% респондентов к тому моменту уже сделали себе прививку, так что вопрос о намерениях для них был неактуален.

[3] Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations (дата обращения: 03.04.2023).

[4] Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 03.04.2023).

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

Обзор литературы

Понятие ковид-скептицизма — довольно размытое. Во многом это связано с тем, что заблуждения относительно нового заболевания принимают крайне разнообразные формы. Опираясь на типологию так называемых климатических скептиков (то есть лиц, отрицающих изменение глобального климата), некоторые исследователи выделяют три основных варианта ковид-скептицизма [Küppers, Reiser, 2021]. Во-первых, трендовый скептицизм (англ. *trend skepticism*), также известный как радикальный ковид-скептицизм или ковид-отрицание, — непризнание самого факта существования коронавируса. Во-вторых, атрибутивный скептицизм (англ. *attribution skepticism*), или ковид-конспирология. Приверженцы этого типа признают, что инфекция под названием COVID-19 существует и является опасной, но объясняют ее появление через ту или иную теорию заговора (биологическое оружие, передача через вышки 5G-связи и т. д.). В-третьих, скептицизм относительно воздействия вируса (англ. *impact skepticism*) — сомнения в серьезности заболевания, например представление о том, что коронавирус не опаснее сезонного гриппа.

Последняя форма ковид-скептицизма представляет бóльшую угрозу общественному здоровью, чем теории заговора, потому что именно недооценка рисков, связанных с SARS-CoV-2, ведет к отказу от вакцинации и соблюдения мер предосторожности [Latkin et al., 2021; Rothmund et al., 2020]. К тому же сторонников подобных взглядов гораздо больше, чем радикальных ковид-отрицателей или конспирологов. Так, в Канаде, США и Великобритании в 2020 г. менее 2 % респондентов верили в теории заговора, связанные с коронавирусом, но от 12 % до 20 % (в зависимости от страны) считали, что ковид не опаснее гриппа [Pennycook et al., 2022].

Ковид-скептицизм может рассматриваться как частное проявление скепсиса в отношении научного знания в целом [Rutjens et al., 2021; Scheitle, Corcoran, 2021]. Уровень недоверия современной науке в последние десятилетия растет [Rutjens et al., 2018]. Контент, посвященный теориям заговора, в социальных сетях встречается примерно в три раза чаще, чем материалы о научных исследованиях [Bessi et al., 2015]. При этом ковид-скептицизм тесно связан с антивакцинаторством [5] и отрицанием изменения климата [Scheitle, Corcoran, 2021]. В свою очередь, доверие науке является одним из наиболее сильных предикторов соблюдения медицинских рекомендаций [Bicchieri et al., 2021; Dohle et al., 2020].

Важную роль в развитии антинаучных взглядов играет политическая идеология. Консерваторы чаще либералов выступают против принудительных норм, таких как вакцинация или ношение масок, а также меньше доверяют официальным медицинским данным [Baumgaertner et al., 2018; Kerr et al., 2021; Levin, Bradshaw,

[5] Ковид-скептицизм близко соотносится с феноменом вакцинной нерешительности (англ. *vaccine hesitancy*), который можно охарактеризовать как «сомнения в целесообразности и безопасности вакцинации при доступности вакцины» [Дудина, Сайфулина, 2023: 282]. Хотя вакцинная нерешительность может возникать по отношению к любым вакцинам, а не только противокоронавирусным, и в целом представляет собой более широкую проблему, чем ковид-скептицизм (то есть набор установок по отношению к одному конкретному заболеванию), эти явления имеют во многом похожую природу и набор ассоциирующихся с ними личностных и социетальных факторов. В силу отсутствия в первой волне используемого в настоящей статье опроса индикаторов вакцинной нерешительности включить эту тему в анализ, к сожалению, не представляется возможным. Подробный обзор результатов российских и зарубежных исследований по теме вакцинной нерешительности можно найти в работах [Дудина, Сайфулина, 2023; Aw et al., 2021].

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

2022]. Кроме того, консерваторы в большей степени склонны отвергать научные данные в целом, особенно когда последние свидетельствуют о негативном влиянии экономической деятельности на здоровье людей [McCright et al., 2013][6]. Неудовлетворенность действиями правительства также связана с меньшей готовностью к вакцинации [Kessels et al., 2021; Priniski, Holyoak, 2022].

Другим важным коррелятом антинаучных воззрений [Hornsey et al., 2018; Lewandowsky et al., 2013] и ковид-скептицизма [Rothmund et al., 2020] является склонность к конспирологическому мышлению. Согласно недавней работе, данный фактор связан с ковид-скептицизмом сильнее, чем политические взгляды, состояние здоровья, доход и другие социально-демографические характеристики [Gemenis, 2021].

Теории заговора обычно привлекают людей в двух случаях. Во-первых, когда не удовлетворяются те или иные индивидуальные психологические потребности [Douglas, 2021]. В таком случае обращение к теориям заговора позволяет повысить чувство безопасности и контроля [Kruglanski et al., 2021], избежать неопределенности [van Prooijen et al., 2018] и удовлетворить потребность в принадлежности к группе [Graeupner, Coman, 2017]. Во-вторых, теории заговора в большей степени распространены в тех обществах, где наблюдается низкий уровень доверия политическим и социальным институтам [Barkun, 2015; Uscinski et al., 2020; Uscinski et al., 2016]. При этом вера в разнообразные теории заговора зачастую сопряжена с отказом от ношения масок и соблюдения социальной дистанции, а также неготовностью вакцинироваться [Goldberg, Richey, 2020; Imhoff, Lamberty, 2020; Romer, Jamieson, 2020].

К еще одной группе переменных, потенциально влияющих на ковид-скептицизм, относятся индивидуальная чувствительность к риску [Szántó, Dudás, 2022] и оценка возможных последствий инфицирования для собственного здоровья [Ahuja et al., 2021]. Как правило, те, кто воспринимает соответствующие риски как высокие, с большей вероятностью готовы соблюдать меры предосторожности против COVID-19 [Bruine de Bruin, Bennett, 2020]. Однако многие часто адекватно оценивают риски для других, но себя считают неуязвимыми [Weinstein, 1984]. Такие люди зачастую конструируют искусственные аргументы в пользу того, что они лично не относятся к группе риска (проживают не в том месте, не имеют хронических заболеваний, принадлежат к другой этнической группе и т. д.) [Bond, Nolan, 2011]. Логично предположить, что те, кто недооценивает опасность заболевания для своего здоровья, с большей вероятностью будут скептически или пренебрежительно воспринимать официальную информацию о COVID-19 и рекомендации по противодействию инфекции.

Следует отметить, что связь между ковид-скептицизмом и восприятием риска может быть двунаправленной. Те, кто скептически относится к новому коронавирусу, вероятно, преуменьшают свои личные шансы заболеть. В свою очередь, люди, которые полагают, что они не подвержены риску заражения, могут также не рассматривать коронавирус как серьезную угрозу своему здоровью или здоровью других людей. Так, люди, демонстрирующие высокий уровень скептициз-

[6] Впрочем, указанная закономерность характерна только для США, что может говорить скорее об эффекте партийной принадлежности в конкретной стране, чем о роли идеологии в целом [Hornsey, Harris, Fielding, 2018].

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

ма, реже допускали, что близкие им люди умрут от COVID-19 [Latkin et al., 2021]. Само восприятие риска зависит от таких факторов, как личный опыт столкновения с вирусом, выраженность ценностей индивидуализма, доверие к правительству, науке и медицинским работникам [Dryhurst et al., 2020]. Интересно, что оценивающие риск заболеть для себя как очень высокий либо очень низкий более восприимчивы к дезинформации, ложным новостям и теориям заговора [Rozukalne et al., 2021].

Опасения экономических потерь также могут способствовать ковид-скептицизму [Rutjens et al., 2021]: пандемия уже привела к многочисленным трудностям, таким как спад промышленного производства, банкротства, рост безработицы и т. д. Результатом этого стали снижение материального благосостояния и ухудшение уровня жизни в различных странах, в том числе в России[7].

Если говорить о социально-демографических характеристиках, то ковид-скептиками чаще становятся представители младших когорт, люди с хорошим здоровьем и политические консерваторы [Latkin et al., 2021], что вполне предсказуемо в контексте описанных выше результатов относительно роли восприятия рисков и идеологии в формировании ковид-скептических взглядов.

Ковид-скептицизм в Российской Федерации

Низкий уровень институционального доверия, в том числе органам власти, СМИ и системе здравоохранения, является одной из наиболее характерных отличительных черт отечественных ковид-скептиков [Соколов, Завадская, 2021]. При этом снижение доверия к СМИ повысило вовлеченность россиян в социальные сети [Дейнека, Максименко, 2021]. Последствия этого перехода неоднозначны: имеются данные о том, что пользователи таких социальных сетей, как Facebook[8] и VK, более склонны верить в конспирологические теории [Нестик и др., 2020]. Однако результаты другого исследования [Казун, Поршнев, 2021], напротив, показывают, что телезрители чаще становятся ковид-скептиками по сравнению с людьми, для которых главным источником информации являются социальные медиа.

Причинами снижения доверия к СМИ и властям в ходе пандемии некоторые авторы называют противоречивость официальной информации и рассогласованность действий чиновников, которые приводят к росту неопределенности и, соответственно, тревоги среди населения [Макушева, Нестик, 2020]. Данный процесс может иметь своим следствием снижение готовности выполнять рекомендации экспертов по противодействию распространению вируса. С другой стороны, для России необычна ситуация, когда государство вводит массовые принудительные меры в области здравоохранения. Возможно, именно резкое и нетипичное вмешательство в частную жизнь граждан со стороны правительства стало причиной снижения институционального доверия. В этом отношении неприятие антиковидных мер является результатом слома существовавшего в России общественного

[7] Год пандемии: макроэкономические итоги // Центр развития НИУ ВШЭ. 2021. Март. URL: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/448697923.pdf (дата обращения: 29.06.2022); Потерянные годы: долгосрочное влияние пандемии // ЭКОНС. 23.09.2021. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/poteryannye-gody-dolgosrochnoe-vliyanie-pandemii/ (дата обращения: 25.06.2022).

[8] Деятельность данной социальной сети запрещена на территории РФ 20 июня 2022 г.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

договора: государство не мешает гражданам жить, а последние, в свою очередь, не требуют от него чрезмерной заботы [Исупова и др., 2021].

Анализ глубинных интервью с российскими ковид-диссидентами свидетельствует о наличии двух основных групп внутри соответствующей социальной прослойки: радикальных и умеренных скептиков [Кирзюк, 2021]. Радикальные скептики считают пандемию коронавируса мировым заговором, угрожающим жизни и свободе людей, в то время как умеренные ковид-скептики воспринимают пандемию как проявление борьбы частных экономических интересов и в целом принимают антиковидные ограничения (впрочем, скорее из-за их обязательности, а не осознанно). Обе группы демонстрируют низкий уровень доверия политикам и СМИ, однако радикальные не доверяют более широкому кругу институтов, в том числе официальной медицине и науке. Важную роль в оценке ограничительных мер играет допандемийный опыт увлечения идеями и практиками альтернативной медицины: сторонники последней в меньшей степени склонны позволять государству вмешиваться в собственную жизнь и принимать за себя решения в сфере здоровья. Это может быть связано с выраженными потребностями в ощущении собственной субъектности и возможности выражать свое мнение хотя бы в неполитических вещах. Так или иначе, ковид-скептики в России демонстрируют критическую позицию по отношению к любым внешним знаниям и предпочитают личный опыт советам и рекомендациям других.

Как и в других странах, скептиками чаще становятся мужчины, особенно среднего и пожилого возраста и без высшего образования. Опыт заболевания коронавирусом, как личный, так и у близких, ассоциировался с меньшим уровнем скептицизма, тогда как столкновение с негативными экономическими последствиями — с бóльшим. Наконец, для отечественных ковид-скептиков характерно неприятие глобализации, международного сотрудничества и миграции, а также более низкий уровень гордости за свою страну. При этом у представителей данной категории населения в большей степени выражены ценности открытости (по Шварцу), и в меньшей — ценности сохранения [Соколов, Завадская, 2021].

Данные

Исследование подготовлено на основе материалов первых двух волн российской части международного проекта «Ценности в кризис» (далее — ЦВК; англ. *Values in Crisis*) [Понарин, Климова, Соколов, 2021]. Этот проект начался в 2020 г. и посвящен изучению в сравнительной перспективе воздействия пандемии COVID-19 на повседневную жизнь людей, а также на их убеждения, ценности и поведенческие привычки[9]. Первая волна опроса в России прошла в июне 2020 г.; в ней приняло участие 1527 респондентов. Сбор данных проводился с помощью онлайн-панели маркетинговой компании OMI (Online Marketing Intelligence)[10]. Коэффициент участия (англ. *participation rate*) составил 2,01 %; доля прерванных интервью (англ. *break-off rate*) — 8,03 %. При формировании выборки первой волны

[9] Архив с данными первой волны проекта по 18 странам доступен по ссылке (требуется регистрация): https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L (дата обращения: 08.11.23).

[10] Подробнее о методике формирования онлайн-панели и используемом программном обеспечении можно прочитать на веб-сайте компании. URL: https://www.omirussia.ru/ (дата обращения: 22.08.2022).

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

использовались квоты по полу и возрасту, поэтому она довольно точно воспроизводит половозрастную структуру населения согласно материалам переписи 2010 г. Впрочем, в ней в существенно меньшей степени представлены самые пожилые респонденты (старше 70 лет), а также люди с низким уровнем образования и проживающие в сельской местности [Корсунова, Соколов, 2022].

Вторая волна опроса прошла в апреле — мае 2021 г.; размер выборки составил 1199 респондентов (коэффициент участия — 4,30 %; процент прерванных интервью — 8,64 %), в том числе 978 человек, принимавших участие в первом этапе исследования. Выбытие респондентов носило неслучайный характер: чаще выбывали из исследования женщины, участники без высшего образования и проживающие в сельской местности (и без того недостаточно представленные в выборке). Стоит отметить, что доля ковид-скептиков также была чуть выше среди выбывших (35 %), чем среди оставшихся (32,7 %), хотя это различие не является статистически значимым.

Выбывшие респонденты были заменены новыми таким образом, чтобы соблюсти для полной выборки заданные по переписи 2010 г. квоты по полу и возрасту. Новые участники, однако, сильно отличались от старых по своим социально-демографическим и личностным характеристикам. Так, в этой группе только 23,6 % были мужчинами (против 51,6 % среди опрошенных повторно), высшее образование имели 18,1 % (против 43,9 %), а средний возраст составлял 31,3 года (против 49,5). Тем не менее различия между скептиками и нескептиками по практически всем используемым в анализе ниже переменным носили одинаковый характер как среди новых, так и среди старых участников, причем не только в плане направления и значимости, но зачастую и абсолютной величины[11]. Похожая картина наблюдается и при сравнении оставшихся и выбывших на данных первой волны. Поэтому представляется оправданным сравнивать между волнами результаты, полученные на полных выборках, а не только на множестве повторно опрошенных.

Операционализация

Для того чтобы определить, склонен ли конкретный респондент к ковид-скептицизму, в анкете ЦВК использовался следующий вопрос:

> *В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?*

Соответствующий вопрос предполагает только два варианта ответа: да или нет. У подобной бинарной категоризации есть как положительные, так и отрицательные стороны. Можно поделить всю выборку на скептиков и нескептиков и далее проводить сравнения между этими двумя группами с помощью простых статистических тестов на значимость различий в средних или пропорциях. Однако она смешивает (1) восприятие пандемии как таковой и (2) отношение к правительственным мерам по борьбе с ней, а также не различает градации ковид-скептицизма — например, тех, кто всего лишь склонен отмахиваться от выполнения простых мер

[11] Соответствующие результаты не приводятся в рукописи в целях экономии места, но могут быть предоставлены авторами по запросу.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

предосторожности, и тех, кто не верит в существование вируса в принципе. В целом такая формулировка позволяет классифицировать соответствующий вопрос как измеряющий ту разновидность ковид-скептицизма, которая выше была обозначена как скептицизм относительно серьезности воздействия вируса (англ. *impact skepticism*). Тем не менее во второй волне ЦВК применялось несколько дополнительных вопросов, отражавших степень поддержки респондентами ряда теорий заговора, связанных с коронавирусом, и среди ковид-скептиков число сторонников различных конспирологических концепций оказалось значительно выше (см. подраздел «Новые результаты» ниже). Это свидетельствует в пользу того, что применяемая в ЦВК методика измерения ковид-скептицизма — при очевидном несовершенстве — все же может рассматриваться в качестве работоспособной[12] (см. также аргументы, приводящиеся в [Соколов, Завадская, 2021: 417]).

В анкете ЦВК имеется значительное число индикаторов, фиксирующих фундаментальные личностные черты и ценности участников исследования, а также их установки и мнения по широкому кругу общественно-политических проблем и социально-демографические атрибуты. Отдельный блок вопросов отражает различные аспекты индивидуального опыта пандемии: болел ли коронавирусом конкретный респондент или члены его семьи, и если да, то насколько серьезно; столкнулся ли он с экономическими последствиями ухудшения эпидемиологической ситуации; насколько он тревожится по поводу происходящего. Далее в статье приводятся результаты сравнения скептиков и нескептиков по описанным тематическим категориям с использованием данных второй российской волны ЦВК. Особый акцент делается на сравнении значимых коррелятов ковид-скептицизма между этапами опроса: какие паттерны, выявленные в первой волне [Соколов, Завадская, 2021], сохранились и во второй, а какие не нашли подтверждения.

Настоящее исследование носит описательный характер, поэтому специфические содержательные гипотезы относительно роли тех или иных факторов в формировании ковид-скептических взглядов не выдвигаются — это было бы затруднительно сделать хотя бы из-за значительного количества признаков, по которым сравниваются скептики и нескептики. Следует тем не менее отметить, что изучаемая проблематика имеет важную прикладную значимость для российского общества — в силу широкого распространения в стране ковид-скептицизма и его частных проявлений, таких как пренебрежение вакцинацией и другими мерами предосторожности[13], уже внесших немалый вклад в высокий уровень смертности от коронавируса в России[14]. Поэтому даже описательные результаты мо-

[12] Следует также отметить, что оригинальные анкеты первой и второй волн ЦВК разрабатывались международным коллективом исследователей, а не авторами настоящей рукописи. Возможности повлиять на структуру опросника — кроме включения небольшого количества новых вопросов во второй волне — у последних не было. Используемая формулировка тем не менее уже показала свою полезность в вопросе изучения ковид-скептицизма в России [Соколов, Завадская, 2021].

[13] Коронавирус и личные контакты // Левада-Центр. 2022. 21 марта. URL: https://www.levada.ru/2022/03/21/koronavirus-i-lichnye-kontakty/ (дата обращения 28.03.2022); Вакцинация от коронавируса: отношение россиян // ВЦИОМ. 2021. 26 ноября. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan (дата обращения 28.03.2022).

[14] Избыточная смертность в России в 2020 году — худший показатель с 1947 года. Россия в мировых лидерах // VC.RU. 2021. 18 февраля. URL: https://vc.ru/flood/210333-izbytochnaya-smertnost-v-rossii-v-2020-godu-hudshiy-pokazatel-s-1947-goda-rossiya-v-mirovyh-liderah (дата обращения: 23.06.2022).

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

гут оказаться полезными для разработки эффективных правительственных мер по противодействию коронавирусной инфекции и повышению сознательности (равно как и стимуляции ответственного поведения) населения в плане вопросов здравоохранения.

Результаты

На момент проведения первой волны ковид-скептиками были 38 % (37,2 % среди тех, кто принял участие и во втором этапе) респондентов ЦВК. Этот показатель был одним из самых высоких среди стран — участниц опроса (больше оказалось только в Чили — 60,5 %). Во второй волне опроса, к моменту проведения которой в России уже прошел осенне-зимний пик заболеваемости, была запущена в массовое производство вакцина от коронавируса и появилось много новых и убедительных научных данных, доля ковид-скептиков все равно составила почти треть от населения страны — 31,9 % (31,7 % среди участников обеих волн; к сожалению, открытых данных для других стран по второй волне пока нет).

Факторы ковид-скептицизма, значимые в обеих волнах

В обеих волнах уровень образования значимо связан со склонностью к ковид-скептицизму. В данных второй волны с увеличением уровня образования доля ковид-скептиков уменьшается: с 48,7 % среди людей с неполным средним образованием до 23,0 % среди людей с высшим образованием ($\chi^2 = 26{,}03$, df = 2, $p < ,001$). Стоит отметить, что по сравнению с первым этапом исследования доля ковид-скептиков в 2021 г. сократилась в группах людей с высшим и средним образованием с 33,1 % до 23,0 % и с 41,1 % до 36,0 % соответственно, тогда как среди наименее образованных она выросла на 7,2 % (с 41,5 %).

Ковид-скептики по-прежнему меньше беспокоятся о том, что они сами или их близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса. Для данной категории среднее значение уровня тревоги по данному поводу — 2,38 (по шкале от 0 до 4, где 4 обозначает максимальный уровень тревожности), а для остальных — 2,95 ($\Delta = 0{,}57$, $t = 7{,}63$, $p < ,001$)[15]. Однако среди скептиков уровень тревоги немного вырос (с 2,12 в первой волне), тогда как среди остальных респондентов — немного уменьшился (с 3,03).

Как и в первой волне опроса, во второй скептики демонстрируют более низкий уровень национальной гордости (2,84 против 3,15 по шкале от 1 до 4; $\Delta = 0{,}31$, $t = 5{,}13$, $p < ,001$), хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с распространением заболевания (1,54 против 2,10 по шкале от 0 до 4, $\Delta = 0{,}56$, $t = 8{,}4$, $p < ,001$) и менее оптимистичны в своих оценках последствий пандемии для страны (1,65 против 1,90 по шкале от 1 до 3, $\Delta = 0{,}25$, $t = 5{,}4$, $p < ,001$). Кроме того, они по-прежнему придерживаются более ограничительных взглядов на миграцию в страну (2,40 против 2,26 по шкале от 1 до 4, где 1 означает наиболее позитивное отношение к миграции, а 4 — наиболее негативное; $\Delta = 0{,}14$, $t = 2{,}5$, $p = ,012$)

[15] Здесь и далее разница средних и соответствующая t-статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени. Если прямо не указано иное, то по умолчанию используется критерий Стьюдента для независимых выборок.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

и в меньшей степени склонны полагать, что этническое разнообразие может обогатить общество (5,78 против 6,21 по шкале от 1 до 10; $\Delta = 0{,}43$, $t = 2{,}6$, $p = ,01$).

Данные первого этапа ЦВК также показали, что отечественных ковид-скептиков характеризует низкий уровень институционального доверия [Соколов, Завадская, 2021: 429]. Эта закономерность сохранилась и год спустя: скептики продолжают меньше доверять правительству (0,89 против 1,24 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0{,}35$, $t = 5{,}96$, $p < ,001$), системе здравоохранения (0,99 против 1,18; $\Delta = 0{,}19$, $t = 3{,}6$, $p < ,001$) и институтам страны в целом (1,09 против 1,36; $\Delta = 0{,}27$, $t = 5{,}25$, $p < ,001$)[16], хотя по сравнению с первой волной указанные показатели слегка выросли (соответствующие значения первой волны для сомневающихся в опасности коронавируса — 0,85, 0,92 и 1,03). Скептики также меньше доверяют традиционным СМИ (телевидению или газетам) в противопоставлении с социальными сетями (2,61 против 3,13 по шкале от 1 до 5, где 1 означает наиболее высокий уровень доверия социальным медиа, а 5 — традиционным; $\Delta = 0{,}52$, $t = 7{,}26$, $p < ,001$), что согласуется с результатами как первого этапа ЦВК, так и других исследований на российских данных, свидетельствующих о наличии положительной связи между использованием социальных сетей и приверженностью конспирологическим убеждениям [Нестик и др., 2020].

По итогам анализа данных первой волны ЦВК были обнаружены заметные различия между скептиками и нескептиками по некоторым типам базовых ценностей, выделяемых в рамках модели Шалома Шварца [Schwartz, 1992; Schwartz, 2007], для измерения которых использовался стандартный портретный опросник PVQ—21. Как и в первой волне ЦВК, во второй ковид-скептики демонстрируют более низкие оценки по шкалам безопасности (0,38 против 0,70[17]; $\Delta = 0{,}32$, $t = 6{,}06$, $p < ,001$) и конформности (–0,34 против –0,17; $\Delta = 0{,}17$, $t = 2{,}96$, $p < ,001$), относящимся к ценностям сохранения, и более высокие — по шкалам стимуляции (–0,50 против –0,84; $\Delta = 0{,}34$, $t = 5{,}29$, $p < ,001$) и гедонизма (–0,29 против –0,47; $\Delta = 0{,}18$, $t = 2{,}88$, $p < ,001$), принадлежащим к ценностям открытости изменениям. При этом в 2021 г. обе группы имеют примерно одинаковые средние значения (0,28 против 0,27; $\Delta = 0{,}01$, $t = 0{,}34$, $p = 0{,}74$) по шкале самостоятельности (ценности открытости изменениям), зато между ними проявляются значимые различия по шкалам власти (ценности самоутверждения), традиции (ценности сохранения) и универсализма (ценности самопреодоления). Для ковид-скептиков характерны более высокие оценки по первой из указанных шкал (–0,34 против –0,52; $\Delta = 0{,}18$, $t = 3{,}16$, $p < ,001$) и более низкие — по остальным двум (ценность традиции: 0,03 против 0,19; $\Delta = 0{,}16$, $t = 2{,}70$, $p < ,001$; ценность универсализма: 0,42 против 0,54; $\Delta = 0{,}12$, $t = 2{,}73$, $p = 0{,}01$). Таким образом, представители этой категории респондентов в меньшей степени ценят статус-кво и при этом более открыты к изменениям, но в то же время сосредоточены в первую очередь на себе, меньше заботятся о благополучии других и больше ценят власть.

[16] Во всех трех вопросах использовалась шкала от 0 до 3 (исходно — от 1 до 4, но для удобства интерпретации точка отсчета была перенесена на ноль), где 3 означает максимальный уровень доверия.

[17] При расчете индивидуальных значений по десяти ценностям низкого порядка использовалась коррекция на стиль ответа, предполагающая центрирование значений по каждому отдельному вопросу относительно среднего балла респондента по всем 21 пунктам анкеты.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

Факторы, не связанные с ковид-скептицизмом в обеих волнах опроса

Из числа социально-демографических переменных к таковым относятся семейное положение, количество детей и размер домохозяйства. Между скептиками и нескептиками в обеих волнах также нет различий по показателям личностных черт «Большой пятерки»[18] (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм, открытость опыту) и по различным атрибутам религиозности. Средние значения важности религии среди скептиков и нескептиков во второй волне составляют 2,63 и 2,66 соответственно (по шкале от 1 до 4; $\Delta = 0{,}02$, $t = 0{,}4$, $p = 0{,}67$). И те и другие чаще всего определяют себя как религиозных людей (46,3 % и 45,8 %), чем как нерелигиозных (37,7 % и 35,8 %) или атеистов (16,0 % и 18,4 %). В обеих группах медианным значением частоты посещения церкви является категория «Реже, чем раз в год». По-прежнему не наблюдается различий между скептиками и нескептиками в идеологических позициях. Средние значения по идеологической шкале «лево — право» (от 1 до 10) в этих группах составляют 4,97 и 5,12 соответственно ($\Delta = 0{,}15$, $t = 1.4$, $p = 0{,}16$).

Изменения между первой и второй волнами

В отличие от первой волны опроса, опыт столкновения с болезнью (личный или родственников[19]) во второй волне не является значимым фактором при дифференциации скептиков и нескептиков. Доля ковид-скептиков среди тех, кто так или иначе столкнулся с коронавирусом, немного ниже, чем среди тех, кто подобного опыта не имел (29 % против 33 %), но это различие статистически незначимо ($\chi^2 = 2{,}13$, df = 1, $p = 0{,}14$). Также потерял значимость опыт столкновения с экономическими последствиями пандемии. Доля скептиков среди тех, кто сообщил о материальных проблемах[20], выше, чем среди тех, кто не сообщил (36 % и 30 % соответственно), но и в данном случае разница между этими группами не дотягивает до классического порога $\alpha = 0{,}05$ ($\chi^2 = 3{,}21$, df = 1, $p = 0{,}07$).

Во второй волне стали более заметными возрастные различия между скептиками и нескептиками: средний возраст ковид-скептиков — 43,8 года, а нескептиков — 47,7 года ($\Delta = 3{,}9$, $t = 4{,}48$, $p < ,001$; в первой волне соответствующие значения были 44,9 и 46,2 года). Также изменилось распределение ковид-скептиков по возрастным категориям. Если в первой волне опроса доля скептиков среди респондентов младше 25 лет (условная «молодежь») составляла всего 27,3 %, то во второй она выросла до 35,4 % (что выше средневыборочного показателя); в группах 25—60 лет (условные «работающие») и 60+ (условные «пожилые») аналогичные значения снизились с 41,5 % до 35 % и с 27,5 % до 19,2 %.

Во второй волне значимым предиктором ковид-скептицизма стал доход. С увеличением достатка доля ковид-скептиков снижается. Медианный доход в группе ковид-скептиков — от 30 до 40 тыс. руб., в группе нескептиков — от 40 до 60 тыс.

[18] Измерялись с помощью краткого личностного опросника BFI-10 [Rammstedt, John, 2007].

[19] Учитывалось либо наличие подтвержденного диагноза, либо просто опыт инфекции с типичными симптомами коронавируса у респондента или членов его семьи между началом пандемии и первой волной ЦВК (для респондентов первой волны) или между первой и второй волнами (для респондентов второй волны).

[20] К таковым относятся те, кто потерял работу/бизнес или был вынужден перейти на неполный рабочий день между началом пандемии и первой волной ЦВК (среди респондентов первой волны) или между первой и второй волнами (среди респондентов второй волны).

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

руб. Наконец, во второй волне ковид-скептики меньше привержены ценностям выбора (0,43 против 0,49 по шкале от 0 до 1; $\Delta = 0{,}06$, $t = 3{,}90$, $p < ,001$) и равенства[21] (0,58 против 0,62; $\Delta = 0{,}04$, $t = 2{,}45$, $p = 0{,}01$) по сравнению с остальным населением (в первой волне различий между скептиками и нескептиками по данным показателям не наблюдалось).

Новые результаты

Во второй волне в анкету ЦВК были включены дополнительные вопросы, нацеленные на изучение проблематики ковид-скептицизма и, шире, склонности к вере в теории заговора. Выяснилось, что доля ковид-скептиков ниже (27,6%) среди тех, кто испытывает различные хронические проблемы со здоровьем (сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, рак и другие), чем среди тех, кто не отметил у себя наличие хронических заболеваний (37,8%). Это различие статистически значимо ($\chi^2 = 13{,}5$, $df = 1$, $p = 0{,}00$).

Ковид-скептики ценят свободу во время пандемии выше здоровья: для них значение по измеряющей данную установку шкале от 1 (максимальный приоритет свободы) до 5 (максимальный приоритет здоровья) составляет 2,96 против 3,68 у нескептиков ($\Delta = 0{,}72$, $t = 11{,}02$, $p < ,001$). При этом они хуже приспособились к жизни в условиях пандемии (1,64 против 1,79 по шкале от 1 до 4, где 4 — максимальная степень согласия с утверждением «Я очень хорошо приспособился к жизни в условиях пандемии»: $\Delta = 0{,}15$, $t = 2{,}88$, $p < ,001$) и сильнее устали от поиска информации об ограничениях, чем нескептики (1,47 против 1,22 по шкале от 1 до 4, где 4 — максимальная степень согласия с утверждением «Я устал от поиска информации об ограничениях и соблюдения этих ограничений, связанных с пандемией коронавируса»; $\Delta = 0{,}25$, $t = 4{,}04$, $p < ,001$).

Вполне предсказуемо, что представители данной группы отличаются повышенным доверием к разнообразным теориям заговора. Респондентов второй волны опроса просили оценить по шкале от 1 до 5 (где 5 означает максимальную степень согласия), насколько они согласны со следующими утверждениями о коронавирусе: (а) «Вирус создан искусственно»; (б) «Распространение вируса является целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие»; и (в) «Распространение вируса является целенаправленной попыткой группы влиятельных людей заработать деньги». Среди скептиков средний уровень поддержки первого утверждения равнялся 3,91 против 3,22 у нескептиков ($\Delta = 0{,}69$,

[21] Данные конструкты являются элементами более широкого понятия эмансипативных ценностей [Welzel, 2013], развивающего популярные концепции ценностей постматериализма и самовыражения [Inglehart, Welzel, 2005; Inglehart, 1977].
Ценности выбора отражают, насколько допустимыми респондент считает следующие три практики, относящиеся к сфере сексуальности и репродуктивного поведения: гомосексуальность, аборты и разводы. В ЦВК измерялись с помощью стандартных шкал со значениями от 1 (практика совершенно недопустима) до 10 (практика полностью допустима), используемых, например, во «Всемирном исследовании ценностей». Итоговые индивидуальные значения представляют средние арифметические по трем вопросам, приведенные к шкале от 0 до 1, где 1 обозначает максимально толерантные взгляды.
Ценности равенства операционализируются как средний уровень согласия респондента со следующими тремя утверждениями: (а) мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины; (б) университетское образование является более важным для юношей, чем для девушек; и (в) при недостатке рабочих мест приоритет должен отдаваться кандидатам-мужчинам. Итоговая шкала также принимает значения от 0 до 1, где 1 — это максимальная степень поддержки гендерного равенства.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

$t = 8{,}8$, $p < ,001$); второго — 3,70 против 2,80 ($\Delta = 0{,}90$, $t = 11{,}5$, $p < ,001$); третьего — 4,02 против 3,00 ($\Delta = 1{,}02$, $t = 13{,}5$, $p < ,001$). Попарные корреляции между индикаторами поддержки различных теорий заговора также были довольно высокими и варьировались в интервале от 0,68 до 0,78.

Заключение

Результаты анализа данных двух этапов проекта «Ценности в кризисе» показывают, что в 2021 г. (по сравнению с 2020 г.) доля ковид-скептиков уменьшилась с 38 % до 31,9 % (с 37,2 % до 31,7 %, если брать только респондентов, принявших участие в обеих волнах). Неясно, впрочем, является ли это устойчивым трендом или просто временной флуктуацией[22] (возникшей, например, из-за замещения выбывших респондентов первой волны новыми участниками).

Результаты второй волны ЦВК подтверждают бóльшую часть тенденций, выявленных на первом этапе исследования. Российские ковид-скептики, как и в первой волне, в среднем имеют более низкий уровень образования. Они реже переживают о возможных негативных последствиях пандемии для себя лично и для своих близких. Также представители этой группы в меньшей степени гордятся страной, но при этом демонстрируют высокий уровень изоляционизма и ксенофобии. Скептики склонны не доверять национальным институтам и традиционным СМИ и критичнее оценивать действия правительства по противодействию пандемии. Сомневающиеся в серьезности коронавирусной угрозы по-прежнему демонстрируют более низкие значения по ряду ценностей сохранения по Шварцу (стоит отметить, что во второй волне скептики меньше поддерживали и универсализм, одну из ценностей самопреодоления) и более высокими — по некоторым ценностям самоутверждения и открытости изменениям. Наконец, между скептиками и нескептиками все так же не наблюдается различий в плане личностных черт, религиозности и базовых идеологических предпочтений (по шкале «лево — право»).

Некоторые результаты первой волны, однако, во второй не подтвердились: непосредственное столкновение с болезнью и (в меньшей степени) проблемы с работой не стали значимыми предикторами ковид-скептицизма весной 2021 г. Исчезновение «отрезвляющего» эффекта непосредственного столкновения с болезнью, наблюдавшегося в 2020 г., вполне объяснимо: поздние штаммы вируса были не такими агрессивными и смертоносными, в силу чего заразившиеся испытывали менее выраженные симптомы. Это должно было только подкреплять исходные представления о том, что новое заболевание не страшнее гриппа или других распространенных респираторных инфекций. Кроме того, ковид-скептицизм несколько «помолодел». Это представляется вполне логичным: заболеваемость и смертность среди лиц старшего возраста значительно выше, так что по мере развития пандемии представители указанной группы на собственном опыте убедились в реальности угрозы, которую несет коронавирус. Также появились не наблюдавшиеся ранее различия по материальному достатку (медианное значение

[22] В третьей волне ЦВК, собранной в ноябре — декабре 2021 г. (1205 респондентов, из которых в первых двух волнах участвовали 726), доля скептиков составляет 35 %, что свидетельствует скорее в пользу второй интерпретации. С другой стороны, как отмечалось выше, этот показатель среди выбывших после первого этапа опроса был несколько выше, чем среди оставшихся.

DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2375

дохода у скептиков чуть ниже) и по индивидуальным ценностям, измеренным по методике Инглхарта — Вельцеля (скептики меньше поддерживают гендерное равенство и свободу распоряжения собственным телом).

Дополнительные вопросы, включенные в анкету второй волны, показывают, что ковид-скептики реже страдают от хронических заболеваний (здесь, очевидно, работает тот же механизм, что и в случае с пожилыми: чем меньше риски заболеть, тем больше человек может позволить себе пренебрегать угрозой), в большей степени ценят свободу, чем здоровье, и сильнее устали от пандемии. Как и следовало ожидать, исходя из данных по другим обществам, принадлежащие к этой категории респонденты значимо чаще склонны соглашаться с теориями заговора, посвященными коронавирусу.

В целом ковид-скептические взгляды более характерны для людей с неустойчивым материальным положением (ниже доход, хуже образование, имеется опыт финансовых проблем во время пандемии), а также респондентов, активных на рынке труда (о чем свидетельствует изначальное преобладание — и особенно значительный прирост их доли во второй волне — скептиков среди лиц трудоспособного возраста). В ценностном плане скептики — это люди, для которых менее важны традиции и общественное благосостояние; последнему они предпочитают самоутверждение. Они также более толерантны к изменениям, но в то же время в меньшей степени поддерживают ценности равенства и выбора, что странно, так как последние обычно положительно коррелируют с ценностями открытости по Шварцу. Впрочем, данная закономерность проявляется только во второй волне и требует дальнейшего подтверждения. С другой стороны, скептики несколько хуже образованы и имеют меньший доход, что обычно способствует формированию более консервативных установок [Inglehart, Welzel, 2005; Welzel, 2013], равно как и отрицательному отношению к иммигрантам и этническому разнообразию общества [Billiet et al., 2014].

Вкупе с выраженным недоверием к разнообразным национальным институтам и традиционным медиа (которые также можно рассматривать в качестве системообразующего элемента сложившегося социального порядка), а также более низкой оценкой эффективности предпринимаемых правительством мер по борьбе с пандемией и меньшим уровнем гордости за свою страну, все это свидетельствует о том, что типичный российский ковид-скептик представляет собой атомизированного, неустроенного, во многом оторванного от общества и не доверяющего ему индивида, зачастую склонного к отвержению официальных нарративов (отсюда проистекает популярность теорий заговора среди представителей этой группы). Важно отметить, что подобная атомизация вызвана скорее материальными факторами (некоторая социально-экономическая депривация вкупе с меньшей субъективно воспринимаемой уязвимостью перед вирусом, обусловленной более молодым возрастом и крепким здоровьем), чем уникальными личностными особенностями таких респондентов (которые не отличаются от нескептиков в плане «большой пятерки» личностных черт). В этом смысле Россия похожа на другие страны, где, как показывают результаты исследований, описанных в обзоре литературы, скептики тоже обычно принадлежат к уязвимым (особенно в экономическом смысле) социальным группам и склонны придерживаться антисистемных взглядов — в плане как политических убеждений, так и приверженности конспиро-

логическому и антинаучному мышлению [Rutjens et al., 2021; Kessels et al., 2021; Priniski, Holyoak, 2022].

Более высокая распространенность ковид-скептицизма в России (и в других постсоветских странах), видимо, является следствием общего роста аномии после распада СССР. Согласно данным Всемирного исследования ценностей, уровень субъективного благополучия в России существенно упал в начале 1990-х годов и не восстановился до советского уровня даже в 2011 г. [Foa et al., 2018]. Похожая картина наблюдается и для доверия большинству [Алмакаева, Волченко, 2018]. Для институционального доверия (в качестве специфического измерения которого может рассматриваться ковид-скептицизм) данные со сравнимым временным охватом отсутствуют, но вполне убедительным признаком значительной атомизации российского и других постсоветских обществ является крайне высокий по меркам развитых стран уровень самоубийств[23].

Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов, принявших участие в обеих волнах, тренд на снижение доли ковид-скептиков не был однонаправленным: хотя 15,4 % повторно опрошенных участников отказались от ковид-скептических взглядов к весне 2021 г., 9,6 %, напротив, к такой позиции пришли. Вопрос, какие факторы влияют на изменение индивидуальных установок по отношению к коронавирусной проблематике, заслуживает отдельного внимания.

Разумеется, выводы исследования следует с осторожностью распространять на Российскую Федерацию в целом. Полные выборки первой и второй волн в недостаточной степени покрывают такие группы населения, как пожилые, малообразованные и проживающие в сельской местности. С другой стороны, недавние методологические исследования показывают, что если в фокусе находятся не одномерные описательные статистики (например, средние и доли), а ассоциации между различными признаками, то отклонение выборки от генеральной совокупности по одному или нескольким параметрам может не быть большой проблемой [Baker et al., 2013; Coppock, McClellan, 2019]. Настоящее исследование имеет разведывательный характер и направлено на анализ стабильности направления и примерной величины связей между ковид-скептицизмом и другими характеристиками респондентов. Для этого использование не вполне репрезентативной выборки представляется уместным, особенно с учетом первостепенной важности проблем ковид-скептицизма в частности и недоверия науке в целом для общественного здравоохранения.

Список литературы

Алмакаева А. М., Волченко О. В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 273—292. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13.

Almakaeva A. M., Volchenko O. V. (2018) Dynamics of Social Capital in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 4. P. 273—292. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13. (In Russ.)

[23] Россия входит в топ-10 стран по числу самоубийств // 2022. Коммерсантъ. 10 сентября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5549246 (дата обращения: 13.09.2023).

Дейнека О. С., Максименко А. Динамика отношения россиян к вызванной COVID-19 пандемии и режиму самоизоляции в период 1—й и 2—й волн // Личность и общество в условиях пандемии: психологические механизмы и последствия / под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05.
Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2021) Dynamics of Russians' Attitudes Towards the Pandemic Caused by COVID-19 and the Self-Isolation Regime during the 1st and 2nd Waves. In: Nestik T. A., Juravlev A. L. (eds.) *Personality and Society in a Pandemic: Psychological Mechanisms and Consequences.* Moscow: Institute of Psychology, RAS. P. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05. (In Russ.)

Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344.
Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted to Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 1. P. 279—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344. (In Russ.)

Исупова О. Г., Рождественская Е. Ю., Лагерева А. Е. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 374—398. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004.
Isupova O. G., Rozhdestvenskaya E. Y., Lagereva A. E. (2021) COVID Resentment in Social Media: A Repertoire of Motivated Judgments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 374—398. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004. (In Russ.)

Казун А. Д., Поршнев А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549—565. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889.
Kazun A. D., Porshnev A. V. (2021) Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 549—565. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889. (In Russ.)

Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484—509. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776.
Kirziuk A. A. (2021) "I Have No Fear": COVID Skeptics in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 2. P. 484—509. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776. (In Russ.)

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономи-

ческие и социальные перемены. 2022. № 3. С. 4—27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083.
Korsunova V. I., Sokolov B. O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 3. P. 4—27. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770.
Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International/Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2020 г. // Номер свидетельства: RU 2021622511, 2021. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html
Ponarin, E.D., Klimova, A.M, Sokolov, B.O. (2021). Values in Crisis International (Russia) 2020. Registration number: RU 2021622511. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet? DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html. (In Russ.)

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87—104. https://doi.org/10.17759/sps.2020110407.
Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society.* Vol. 11. No. 4. P. 87—104. https://doi.org/10.17759/sps.2020110407. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938.
Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 410—435. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938. (In Russ.)

Ahuja M., Mamudu H. M., Weierbach F. M., Dowling-McClay K., Stewart D. W., Awasthi M., Paul T. K. (2021) Perceptions of Risk for COVID-19 among Individuals with Chronic Diseases and Stakeholders in Central Appalachia. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 8. No.1. P. 1—6. https://doi.org/10.1057/s41599-021-00974-9.

Aw J., Seng J. J.B., Seah S. S.Y., Low L. L. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy — A Scoping Review of Literature in High-Income Countries. *Vaccines.* Vol. 9. No. 8. P. 900. https://doi.org/10.3390/vaccines9080900.

Baker R., Brick J. M., Bates N. A., Battaglia M., Couper M. P., Dever J. A., Tourangeau R. (2013) Summary Report of the AAPOR Task Force on Non-probability Sampling. *Journal of Survey Statistics and Methodology.* Vol. 1. No. 2. P. 90—143. https://doi.org/10.1093/jssam/smt008.

Ball P., Maxmen A. (2020) The Epic Battle against Coronavirus Misinformation and Conspiracy Theories. *Nature.* Vol. 581. No. 7809. P. 371—375. https://doi.org/10.1038/d41586-020-01452-z.

Barkun M. (2015) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*. Vol. 62. No. 3—4. P. 114—120. https://doi.org/10.1177/0392192116669288.

Baumgaertner B., Carlisle J. E., Justwan F. (2018) The Influence of Political Ideology and Trust on Willingness to Vaccinate. *Plos One*. Vol. 13. No. 1. Art. e0191728. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0191728.

Bessi A., Coletto M., Davidescu G. A., Scala A., Caldarelli G., Quattrociocchi W. (2015) Science vs Conspiracy: Collective Narratives in the Age of Misinformation. *Plos One.* Vol. 10. No. 2. Art. e0118093. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0118093.

Bicchieri C., Fatas E., Aldama A., Casas A., Deshpande I., Lauro M., Parilli C., Spohn M., Pereira P., Wen R. (2021) In Science We (Should) Trust: Expectations and Compliance across Nine Countries during the COVID-19 Pandemic. *Plos One.* Vol. 16. No. 6. Art. e0252892. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252892.

Billiet J., Meuleman B., De Witte H. (2014) The Relationship between Ethnic Threat and Economic Insecurity in Times of Economic Crisis: Analysis of European Social Survey Data. *Migration Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 135—161. https://doi.org/10.1093/migration/mnu023.

Bond L., Nolan T. (2011) Making Sense of Perceptions of Risk of Diseases and Vaccinations: A Qualitative Study Combining Models of Health Beliefs, Decision-Making and Risk Perception. *BMC Public Health.* Vol. 11. No. 1. P. 1—14. https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-943.

de Bruin W. B., Bennett D. (2020) Relationships between Initial COVID-19 Risk Perceptions and Protective Health Behaviors: A National Survey. *American Journal of Preventive Medicine.* Vol. 59. No. 2. P. 157—167. https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.05.001.

Coppock A., McClellan, O. A. (2019) Validating the Demographic, Political, Psychological, And

Experimental Results Obtained from a New Source of Online Survey Respondents. *Research & Politics.* Vol. 6. No. 1. https://doi.org/10.1177/2053168018822174.

Dohle S., Wingen T., Schreiber M. (2020) Acceptance and Adoption of Protective Measures during the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science.

Social Psychological Bulletin. Vol. 15. No. 4. P. 1—23. https://doi.org/10.32872/spb.4315.

Douglas K. M. (2021) COVID-19 Conspiracy Theories. *Group Processes & Intergroup Relations.* Vol. 24. No. 2. P. 270—275. https://doi.org/10.1177/1368430220982068.

Dryhurst S., Schneider C. R., Kerr J., Freeman A. L., Recchia G., Van Der Bles A. M., Van Der Linden S. (2020) Risk Perceptions of COVID-19 Around the World. *Journal of Risk Research.* Vol. 23. No. 7—8. P. 994—1006. https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758193.

Foa R. S., Inglehart R., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. P. 1639—1656. https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4.

Gemenis K. (2021) Explaining Conspiracy Beliefs and Scepticism around the COVID-19 Pandemic. *Swiss Political Science Review.* Vol. 27. No. 2. P. 229—242. https://doi.org/10.1111/spsr.12467.

Goldberg Z. J., Richey S. (2020) Anti-Vaccination Beliefs and Unrelated Conspiracy Theories. *World Affairs.* Vol. 183. No. 2. P. 105—124. https://doi.org/10.1177/0043820020920554.

Graeupner D., Coman A. (2017) The Dark Side of Meaning-Making: How Social Exclusion Leads to Superstitious Thinking. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 69. P. 218—222. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2016.10.003.

Hornsey M. J., Harris E. A., Fielding K. S. (2018) Relationships among Conspiratorial Beliefs, Conservatism and Climate Scepticism across Nations. *Nature Climate Change.* Vol. 8. No. 7. P. 614—620. https://doi.org/10.1038/s41558-018-0157-2.

Imhoff R., Lamberty P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link between Distinct Conspiracy Beliefs about the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science.* Vol. 11. No. 8. P. 1110—1118. https://doi.org/10.1177/1948550620934692.

Inglehart R. (1977) The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R. Welzel C. (2005) Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence (Vol. 25). Cambridge: Cambridge University Press.

Karlinsky A., Kobak D. (2021) Tracking Excess Mortality across Countries during the COVID-19 Pandemic with the World Mortality Dataset. *Elife.* Vol. 10. P. e69336 https://doi.org/10.7554/eLife.69336.

Kerr J., Panagopoulos C., van der Linden S. (2021) Political Polarization on COVID-19 Pandemic Response in the United States. *Personality and Individual Differences.* Vol. 179. P. 110892. https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110892.

Kessels R., Luyten J., Tubeuf S. (2021) Willingness to Get Vaccinated against COVID-19 and Attitudes toward Vaccination in General. *Vaccine.* Vol. 39. No. 33. P. 4716—4722. https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.05.069.

Kruglanski A. W., Molinario E., Lemay E. P. (2021) Coping with COVID-19-Induced Threats to Self. *Group Processes & Intergroup Relations.* Vol. 24. No. 2. P. 284—289. https://doi.org/10.1177/136843022098207.

Küppers A., Reiser M. (2021) 'It Is Not Worse than a Flu'—COVID-19 Scepticism and the Role of Trust and Far-Right Attitudes in Germany. *SocArXiv*. September 11. https://doi.org/10.31235/osf.io/afnmz.

Latkin C. A., Dayton L., Moran M., Strickland J. C., Collins K. (2022) Behavioral and Psychosocial Factors Associated with COVID-19 Skepticism in the United States. *Current Psychology.* Vol. 41. No. 11. P. 7918—7926. https://doi.org/10.1007/s12144-020-01211-3.

Levin J., Bradshaw M. (2022) Determinants of COVID-19 Skepticism and Sars-Cov-2 Vaccine Hesitancy: Findings from a National Population Survey of Us Adults. *BMC Public Health.* Vol. 22. No. 1. P. 1—8. https://doi.org/10.1186/s12889-022-13477-2.

Lewandowsky S., Oberauer K., Gignac G. E. (2013) NASA Faked the Moon Landing — Therefore, (Climate) Science Is a Hoax: An Anatomy of the Motivated Rejection of Science. *Psychological Science.* Vol. 24. No. 5. P. 622—633. https://doi.org/10.1177/0956797612457686.

McCright A. M., Dentzman K., Charters M., Dietz T. (2013) The Influence of Political Ideology on Trust in Science. *Environmental Research Letters.* Vol. 8. No. 4. Art. 044029. https://doi.org/10.1088/1748-9326/8/4/044029.

Pennycook G., McPhetres J., Bago B., Rand D. G. (2022) Beliefs about COVID-19 in Canada, the United Kingdom, and the United States: A Novel Test of Political Polarization and Motivated Reasoning. *Personality and Social Psychology Bulletin.* Vol. 48. No. 5. P. 750—765. https://doi.org/10.1177/01461672211023652.

Priniski J. H., Holyoak K. J. (2022) A Darkening Spring: How Preexisting Distrust Shaped COVID-19 Skepticism. *Plos One.* Vol. 17. No. 1. Art. e0263191. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263191.

Rammstedt B., John O. P. (2007) Measuring Personality in One Minute or Less: A 10-Item Short Version of the Big Five Inventory in English and German. *Journal of research in Personality.* Vol. 41. No. 1. P. 203—212. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2006.02,001.

Romer D., Jamieson K. H. (2020) Conspiracy Theories as Barriers to Controlling the Spread of COVID-19 in the US. *Social Science & Medicine.* Vol. 263. P. 113356. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113356.

Rothmund T., Farkhari F., Azevedo F., Ziemer C. T. (2020) Scientific Trust, Risk Assessment, and Conspiracy Beliefs about COVID-19-Four Patterns of Consensus and Disagreement between Scientific Experts and the German Public. https://doi.org/10.31234/osf.io/p36w9.

Rožukalne A., Murinska S., Tīfentāle A. (2021) Is COVID-19 an 'Ordinary Flu' That Benefits Politicians? Perception of Pandemic Disinformation in Latvia. *Communication Today.* Vol. 12. No. 2. P. 68—82.

Rutjens B. T., Heine S. J., Sutton R. M., van Harreveld F. (2018) Attitudes Towards Science. In Advances in Experimental Social Psychology. *Academic Press.* Vol. 57. P. 125—165. https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2017.08,001.

Rutjens B. T., van der Linden S., van der Lee R. (2021) Science Skepticism in Times of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations.* Vol. 24. No. 2. P. 276—283. https://doi.org/10.1177/1368430220981415.

Scheitle C. P., Corcoran K. E. (2021) COVID-19 Skepticism in Relation to Other Forms of Science Skepticism. *Socius*. Vol. 7. https://doi.org/10.1177/23780231211049841.

Schwartz S. H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. In: Zanna M. (ed.). *Advances in Experimental Social Psychology.* New York, NY: Academic Press. Vol. 25. P. 1—65. https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

Schwartz S. H. (2007) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey.* Newbury Park: Sage Publications. P. 169—203. https://doi.org/10.4135/9781849209458.n9.

Solís Arce J. S., Warren S. S., Meriggi N. F., Scacco A., McMurry N., Voors M., et al. (2021) COVID-19 Vaccine Acceptance and Hesitancy in Low-and Middle-Income Countries. *Nature Medicine.* Vol. 27. No. 8. P. 1385—1394. https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y.

Szántó R., Dudás L. (2022) COVID-19 Skepticism and the Perception of Risk. *Journal of Risk Research.* Vol. 25. No. 11—12. P. 1321—1336. https://doi.org/10.1080/13669877.2022.2107051.

Uscinski J. E., Enders A. M., Klofstad C. A., Seelig M. I., Funchion J. R., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. N. (2020) Why Do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review.* Vol. 1. No. 3. https://doi.org/10.37016/mr-2020-015.

Uscinski J. E., Klofstad C., Atkinson M. D. (2016) What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly.* Vol. 69. No. 1. P. 57—71. https://doi.org/10.1177/1065912915621621.

van Prooijen, J. W., Van Vugt, M. (2018) Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms. *Perspectives on Psychological Science.* Vol. 13. No. 6. P. 770—788. https://doi.org/10.1177/1745691618774270.

Weinstein N. D. (1984) Why It Won't Happen to Me: Perceptions of Risk Factors and Susceptibility. *Health Psychology.* Vol. 3. No. 5. P. 431—457. https://doi.org/10.1037/0278-6133.3.5.431.

Welzel C. (2013) Freedom Rising. New York, NY: Cambridge University Press.